

На правах рукописи

ДОЛГАЛЕВ БОРИС АНАТОЛЬЕВИЧ

**БЕДНОСТЬ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ:
СОЦИОСТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ**

22.00.04 - социальная структура, социальные институты и процессы

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Краснодар - 2005

Диссертация выполнена в Новочеркасской государственной
мелиоративной академии на кафедре социальной работы

Научный руководитель:	кандидат социологических наук, профессор Кайгородова Людмила Александровна
Официальные оппоненты:	доктор социологических наук, профессор Касьянов Валерий Васильевич, кандидат философских наук Макарова Инна Викторовна
Ведущая организация:	Южно-Российский Государственный Технический Университет (НПИ)

Защита состоится **29** апреля 2005 г. в **11.00** часов на заседании диссертационного Совета КМ 203.017.01 по философским и социологическим наукам в Краснодарской академии МВД России (350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128, зал заседаний диссертационного совета).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Краснодарской академии МВД России (350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128).

Автореферат разослан **25** марта 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

М.Ю. Попов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность темы исследования. Вступление российского общества в XXI век во многом определяется социально-воспроизводственной функцией молодежи, резервом общества, как писал известный исследователь проблем молодежи К. Манхейм. Задачи модернизации в социально-политической, социально-экономической, духовно-культурной сферах выдвигают молодежь в качестве объекта и субъекта стратегии социального развития.

Сокращение численности молодого населения, снижение ее трудового, социально-мобилизационного, интеллектуального потенциалов, конфликт поколений вносит «лепту» в дезинтеграцию общества, отдаление от перспектив перехода к современному и постсовременному обществам. Традиционные общества настроены на «ученичество» молодежи, современное развивается на основе социально-инновационной деятельности, изменений, которые привносит молодое поколение.

Российская молодежь по самоидентификации относится к «поколению надежды», что дает перспективу будущего, но социальное самочувствие и социальная активность молодежи, к сожалению, уходит от коллективных целей и коллективной социальной мобилизации, от движения социальных и культурных изменений. Рост индивидуалистских стратегий, размытость идентичности, разобщение молодежи, направленность на гедонистическую эмансипацию блокирует вступление молодежи во взрослую жизнь и «конвертирует» активность молодежи в воспроизводство социальных рисков и девиантные социальные практики.

В диспозициях молодых людей, жизненных намерениях важен негативный социальный опыт, страх и желание «не встретиться» с нищетой и бедностью, не повторить жизненную судьбу родителей, «замкнутый круг» ограниченных потребностей и стратегию «выживания», «экономии во всем» или «приспособления к обстоятельствам». Российская молодежь стремится добиться материального благополучия (51,6% респондентов) в качестве ближних жизненных планов, что оставляет позади «создание семьи», «встречу с любимым человеком» и «завершение учебы», которые являются модальными для молодого поколения. Молодежь уверена в осуществлении своих планов, потому что ей присущ синдром «материального недопотребления», зависимость от помощи родителей и близких, и, не меньшее влияние, оказывает актуализм, «идеология удовольствия и траты денег», «совершение покупок», потребительства.

Бедность молодежи относится к важным социокультурным и социоидентификационным параметрам, определяет ее социальное исключение, предпочтение социальных рисков, инсценировочные модели поведения и склонность к казуистическим инновациям. Социология

оценивает молодежь в социально-демографических, социокультурных attitudes, в результате чего бедность представляется либо «транзитивным» неизбежным состоянием, следствием «зависимости» «ученичества», неэффективной государственной политики или редуцируется к девиации молодых людей, инфантильности, низкого качества образовательного и профессионального обучения и «иждивенческого» этоса.

Преодоление бедности и нищеты молодежи, бесспорно, является общенациональной задачей. Улучшение ситуации определяется не только возросшим уровнем средней заработной платы, которая у молодежи в производственной сфере ниже на 25-30%, чем у представителей старшего поколения. Ликвидация молодежной безработицы, поддержка молодых семей, профессиональное обучение, облегчение структурной стратификации существенно могут снизить социальную экспансию молодых людей, обратить их мобилизационный потенциал на решение общенациональных задач. Социальные макрофакторы (возрастная дискриминация, безработица, низкие государственные пособия и стипендия) создают «структурный» образ бедности, который зависит от институциональных и групповых характеристик. На наш взгляд, не менее актуален анализ таких проблем, как индивидуализация, наркотизация, криминализация, алкоголизация молодежи, ее увлечение стратегией «мгновенного успеха», низкий предел «социальной напряженности», агрессивность, неразвитость «перспективных», «накопительных» стратегий. Бедность российской молодежи выявляется в крайней ограниченности ресурсного потенциала, воспроизводстве «социального гетто», в нерелексивности групповых усилий и партикулировании групповых интересов. Исследование бедности дает важную социальную информацию о социальной инвестиционности молодого населения, возможностях социальной интеграции. Анализ по модели «конфликта поколений» или перехода к «инновационным стратегиям» не может полностью удовлетворить исследователя с позиции гражданской озабоченности и социального знания о конкурентоспособности, инновационности или маргинализации, социального аутсайдерства молодых людей.

Бедность российской молодежи заслуживает статуса самостоятельного исследования, не замеченного по определенным идеологическим или теоретико-методологическим основаниям, но от «умолчания» не утратившим проблемность.

Степень разработанности темы. Исследование молодежи как социально-демографической и социокультурной группы, присутствует в работах Э. Дюркгейма, М. Вебера, К. Манхейма, которые сформулировали классический подход к бедности молодежи как результату социокультурных, поведенческих ограничений, связанных с

воспроизводством в обществе непрерывного социального статуса молодежи, исследование ее социально-ролевой структуры и «аффективного» типа поведения в связи с новым социальным этносом, стремлением к социальному равенству и конкуренции с взрослым поколением.

В работах П. Сазерленда, Р. Парка, П. Сорокина, Р. Мертон подробно анализируется дисфункциональность молодежи в контексте несоответствия между социальными ценностями и социально организованными средствами их удовлетворения, «группы зависимости» или «дифференцированного переноса». Молодежь характеризуется с позиции неравенства возможностей, влияния сегментизации, присвоения молодежи «асоциальности», ретритизма, неадаптивности легитимных институциональных практик жизненным планам молодежи и, в силу этого обстоятельства, неэффективности модели социально-ролевой интеграции.

Р. Дарендорф, Л. Козер, П. Янг концентрируют внимание на социальной конфликтности, отношениях зависимости-подчинения, на оценивании формулы «трудовых усилий и будущее вознаграждение». Отношение «отложенного удовлетворения», характерное для большинства молодых людей, связано с тенденцией успеха и страхом несостоятельности, что в условиях игнорирования социальных конфликтов ведет к нарушению норм, легитимированных в молодежной субкультуре. Молодежь, по мнению Р. Дарендорфа, может преодолеть страхи «бедности» и ограниченность «успешной карьеры» в ассоциациях, готовых защищать права молодежи.

П. Бурдье, Э. Гидденс, Ю. Хабермас, Н. Луман предлагают постклассическую модель отношения «молодежь - общество». Получение высшего образования, различные формы профессионального ученичества, занятие различных социальных позиций становятся инфантированными при усложнении социальной иерархии, индивидуальных характеристиках и стратегиях, «серийных идентичностях» и преодолении так называемых «системных привязанностей» на индивидуальном, личностном уровне. Бедность, на их взгляд, уже не зависит от социально-классовых или образовательных характеристик, является «личной судьбой» и молодежь в силу социальной эксклюзии, увлеченности контркультурой и склонностью к социальному риску подвержена маргинализации, которая «локализуется» при коллективном противодействии структурным угрозам и рискам.

Российская социология молодежи опирается на традиции В.Т. Лисовского, В.Н. Шубина, И.А. Ильченко, Ф.Р. Филиппов, С.Н. Иконниковой. Хотя молодежь и не рассматривалась как самостоятельная социально-демографическая группа, были выставлены параметры ее социализации, возрастные, социо-психологические, социокультурные

особенности вхождения в общество, неравенство социального положения по сравнению с социально зрелыми группами.

В.И. Чупров, Ю.А. Зубок, Ю.О. Карпухин, Б.Н. Ручкин приложили немало исследовательских усилий для анализа социальной и социопрофессиональной дезинтеграции молодежи, выявления факторов социальной девиации и дезадаптации в рамках социально-ролевых структур и социальных тенденций общества и молодежи. Благодаря исследованиям, проведенным в 1993-1998 гг., были охарактеризованы состояние институтов социальной интеграции молодежи, достижения социального воспроизводства и картина «неопределенности» в движениях идентификационных стратегий, в несовпадении социальной незрелости молодежи и диапазона ее социопрофессиональных возможностей и отношения молодежи к «периферийности» в рыночной экономике, откатывания на уровень «личного» решения социальных проблем.

Н.М. Римашевская, Л.А. Беляева, В.В. Семенов видят в бедности молодежи результат дифференциации поколений и социальной поляризации общества. «Коллективная судьба» молодежи создается во взаимодействии индивидуализации общества, пересечения жизненного пути и конфликтной социальной конфигурации на социальном микроуровне, «страдательности» в социально-трансформационном процессе. В исследованиях М.А. Шабановой, Т.А. Заславской, З.Т. Голенковой, Е.Д. Игитхянян бедность молодежи интегрируется в контексте неравенства, глубоких перемен в системе занятости, образовательной и профессиональной подготовки, социальной депривации молодежи из необеспеченных слоев населения.

Положения, выдвинутые в работах И.В. Мостовой, И.А. Шматко, Т.П. Лукьяновой, Ю.Р. Вишневого, демонстрируют, что молодежь становится «неконтролируемой» социальной группой со слабо дифференцированными социопрофессиональными характеристиками и мобилизацией на совместные практики «делания денег», что приводит к росту «престижного потребления», привязке к инсценировочным идентичностям и исчезновению ресурсов «рационального действия».

О.В. Бондаренко, М.А. Петрова, Н.А. Лапин, М.К. Горшков характеризуют бедность молодежи с позиции воспроизводства молодежного достижения, поддержания социального самочувствия, и, прежде всего, самооценки с другими социально-возрастными группами, выбором жизненных стратегий в соответствии с ориентацией на «жизненный успех», «престижное потребление» или «стабильность».

Интересные обобщения получены в работах Ж.Т. Тощенко, А.Г. Здравомыслов, В.А. Мансурова, Н.В. Лукова, что позволило установить взаимосвязь бедности молодежи и поколенческой самоидентификации, привязанности к основным социально-профессиональным группам и разным моделям мотивации деятельности в сферах материального

производства и потребления. Однако, несмотря на заметное число работ по проблематике молодежной бедности, существует объективный запрос в исследовании структурного воспроизводства и регрессивной социальной мобильности, социальной маргинализации, «пограничных» мест, отделяющих бедную молодежь от успешно адаптированных и «успешных», отказе условий, которые создают «порог» социальной депривации и поведенческий сдвиг в сторону гарантированной бедности.

В связи с этим **целью диссертационного исследования** является социологический анализ социоструктурных оснований бедности молодежи как состояния материального недопотребления, регрессивной социальной мобильности и социальной депривации молодежи. Реализация поставленных целей осуществляется на основе решения следующих **исследовательских задач**:

- выявить основные положения теории «структурной» бедности молодежи;
- определить содержание бедности в рамках постклассической социологической мысли;
- проанализировать позиции молодежи в системе социопрофессиональной занятости;
- рассмотреть место молодежи в структуре недопотребления материальных и социальных благ;
- раскрыть поведенческие стратегии молодежи в контексте социального включения и «размытой» идентичности.

Объектом исследования является российская молодежь как социально-демографическая и социокультурная группа общества с совместными социальными практиками и коллективными целями.

К предмету исследования относится бедность молодежи, ее социокультурное состояние, обусловленное особенностями социально-трансформационного процесса и направленностью социальной активности молодежи на стратегию жизненного успеха.

Теоретико-методологической основу исследования составляют положения классической социологической мысли Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, Р. Мертон. Диссертант оценивает бедность молодежи с применением концепции «социального пространства» и «габитуса» П. Бурдьё, ему близки воззрения Э. Гидденса о «потере онтологической безопасности» молодежи и «нерефлексивности» практической деятельности. В диссертационном исследовании нашли отражение выводы российских ученых В.И. Чупрова, Ю.А. Зубок о специфике интеграции молодежи в структуру социально-профессиональной занятости, модель «выживания» Н.М. Римашевской и «зависимого социального самочувствия» М.К. Горшкова. Диссертант опирается на социально-систематический, представительный и интерпретационный методы, концепцию «рефлексивного мониторинга» общества.

Эмпирическую базу исследования включают материалы государственной и экспертной статистики, результаты вторичной обработки социологической информации, полученной Госкомтруда РФ (1995–2000 гг.), Комитетом по молодежной политике (1994–1999 гг.), исследование «Молодежь России на пороге XXI века, осуществленного ИКСП СПбГУ в 1997 г., исследования Института социально-политических проблем в 1998–1999 гг., результаты социологических исследований НИИСЭП (2002 г.), а также российских ученых Н.М. Римашевской, Л.А. Беляевой, З.Т. Голенковой, М.А. Шабановой. Автор диссертации обращался к материалам реальных исследований в г. Краснодаре (1999 г.), Нижнем Новгороде (1999 г.), Туле (2000 г.), Екатеринбурге (2001 г.), Ростовской области (2002 г.). Осуществлялся также анализ социологических изданий и материалы некоторых зарубежных исследований (Д. Вудворд, Д. Янг, Р. Дарендорф).

Научная новизна исследования определяется совокупностью полученных результатов и выражается в том, что:

- проведен анализ бедности в структурной модели социальной дифференциации;
- охарактеризована бедность в дискурсе постклассической социологии;
- выявлены основные условия бедности молодежи в результате периферийности в системе социально-профессиональной занятости;
- определено материальное недопотребление молодежи в структуре социальных и материальных благ российского общества;
- осуществлен анализ поведенческих стратегий молодежи, направленных на дистанцирование от бедности.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Бедность молодежи оценивается в структурном (классическом) подходе как предполагаемое состояние выполнения социально-адекватных ролей и социальной зависимости молодежи. Интерпретация бедности в категориях социальной дифференциации выводит молодежь на позиции отмеченного удовлетворения и неравенства доступа к социальным благам. Предполагаемая депривация усиливает эффект бедности, так как воспроизводятся установки на «жизнь в бедности» и несправедливость в стартовых условиях социальной мобильности. Структурная (классическая) теория санкционирует социальную помощь молодежи в снятии барьеров структурных неравенств, но признает риск «западни бедности» и обусловленность бедности молодежи «издержками» социальной дифференциации и профессиональной социализации.

2. Постклассическая социология рассматривает бедность молодежи как практику «социального исключения», определяемую социальными субполями конкуренции и зависимости, что связано с различиями социальных контактов и практик. Молодежь попадает в бедность, потому что не обладает опытом коллективного действия,

осознанием общего интереса, дискриминируема в социальной номинации агентами социального воспроизводства и привязана к системе объективируемых ресурсов так, что вынуждена действовать по схеме «девиантной активности».

3. Вхождение российской молодежи в сферу социально-профессиональной занятости характеризуется занятием непрестижных, малоодоходных и неперспективных профессиональных вакансий, несоответствия профессиональной деятельности базисным профессиям и «добровольной безработицы» части молодежи. Стремление молодежи получить работу в «престижных отраслях» осуществляется субъектом престижных специальностей, практикой неформальных договоров, нарушающих социальные и трудовые права молодежи, ориентацией молодежи на нестабильный доход, что усиливает риск бедности. Российская молодежь относится к группе социального риска, так как низкий образовательный и профессиональный статус, индивидуализация и завышенные потребительские ожидания деструктивно влияют на социальную конкурентоспособность и способствуют включению бедности из «системного противоречия» в «личные биографию»).

4. Материальное недопотребление молодежи выражается в низкой обеспеченности первичными материальными благами, невозможности социальной респонсивности и получения качественного образования. «Престижное потребление» правящих слоев стимулирует ориентацию на «перфекцию» актуальной жизни и молодежь не готова к самоограничению в обмен на перспективу усиленной социальной интеграции. Распределение материальных и социальных благ в результате «ресурсной зависимости» навязывает молодежи предпочтения индивидуального выбора. Российская молодежь испытывает социальную депривацию в условиях интерфейса (взаимного наложения) неудовлетворенности базисных социальных потребностей и стратегии «индивидуальной зависимости», предпочтения достиженческих ценностей «жизненного успеха» и «постоянного приобретения» в ущерб «достаточному потреблению», когда бедность оценивается как следствие выживания и социальной субдоминантности, подчинения.

5. Поведенческие стратегии российской молодежи индивидуализированы и основаны на «уверенности в себе», что переносит решение проблем бедности молодежи на социальный микроуровень. Направленность на «личный успех» ограничивается избеганием бедности, навязыванием неэффективной инновации и уходом от коллективных целей, непрофильной идентификацией, включением в группы «равных» или «преуспевающих», дифференциацией по критериям приспособления к обстоятельствам, «неопределенности» или девиантной карьеры. Преодоление бедности представляется как дистанцирование от «бедных

слоев населения», индивидуальных усилий в поиске «удачи» и жизни в автономном режиме.

Научно-практическая значимость работы определяется ее положениями и выводами об условиях, видах и путях преодоления бедности российской молодежи, ее влиянии на социальную интеграцию, социальную активность и социальную идентичность молодого поколения. Материалы диссертационного исследования могут найти применение в разработке целевых молодежных программ, осуществлении эффективной социальной политики на муниципальном, региональном и федеральном уровнях, а также могут быть использованы в преподавании курсов по общей социологии, социологии молодежи и теории социальной работы.

Апробация работы. Результаты исследований по теме диссертации докладывались и обсуждались на всероссийских и региональных научных конференциях, а также на Третьем Российском Философском Конгрессе «Рационализм и культура на пороге III тысячелетия» и на Втором Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы», а также на научно-практических семинарах кафедры социологии, политологии и права Института по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук при Ростовском государственном университете. Основные положения и выводы диссертационного исследования нашли отражение в ряде публикаций общим объемом 2,7 п.л.

Структура работы. Структура диссертации состоит из введения, двух глав, пяти параграфов, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, характеризуется степень ее научной разработанности, формулируются цель и задачи исследования, определяются объект и предмет исследования, раскрываются пункты научной новизны и положения, выносимые на защиту, описывается теоретическая и практическая значимость исследования.

Первая глава «Теоретико-методологические подходы к исследованию бедности молодежи» посвящена анализу существующих социологических концептов бедности молодежи и направлена на выявление эвристического потенциала дискурса, описывающего данное социальное явление.

В первом параграфе «Бедность молодежи в системе социального воспроизводства» применяется методология воспроизводственной функции молодежи, которая рассматривается как совокупность социальных качеств молодежи, направленных на обеспечение

непрерывности социального развития через подготовку молодежи к выполнению определенных социально-профессиональных ролей.

В диссертации указывается, что бедность наступает при незрелости, несостоятельности, отказе от норм институциональной рациональности. Молодой человек может быть беден, поскольку не придерживается социального контракта или стал жертвой «легитимного» принуждения, нарушения некоторых моральных и правовых обязательств.

Подчеркивается, что в системе социального воспроизводства Т. Парсонса бедность как бы не замечается на микроуровне, она связана с выбором конкурирующих легитимаций, ролевой напряженностью. Личные мотивации анализируются в коллективных сегментациях и бедные по сравнению с другими обладателями лишены возможности социального влияния, но с сегментацией власти и экономического могущества, восходящей социальной мобильности и повышению социального дохода усиливаются социальные напряжения и дисфункциональные воздействия.

Диссертант делает вывод о том, что социальные причины бедности молодежи переносятся в сферу дифференциации профессиональных ролей и доступа к образованию. При этом меритократия, вознаграждение по способностям, где деньги играют неизбежную роль представляется социально полезной перспективой молодежи.

Выявлено, что нормы социального воспроизводства характеризуют преодоление бедности молодежи в процессе повышения стратификационной значимости образования, когда деньги и «наследственный» социальный статус не играют значимой роли, которые им отводятся в обществе со стратификацией «по доходу и богатству». Преимуществом молодежи является ее открытость социализации, обучению и в отличие от старших поколений молодежь самостоятельно изменяют статусные позиции и не полагается на практический нигилизм, обоснованный государством.

Рассматривая систему социального воспроизводства, можно отметить, что согласно анализируемому концепту молодежь занимает позиции активной социальной адаптации, воздействия на социальные обстоятельства таким образом, что создает условия для социального самоутверждения. Молодежь, как пишет Ч. Бидуэлл, пишет «свою судьбу» и новые профессиональные роли, зависящие от личных достиженческих усилий, обеспечивают доступ к ресурсам, недоступным их родителям. Молодежь готова сменить жизненную карьеру в пространственном перемещении, постоянном воспроизводстве социальной и профессиональной активности, чтобы не повторить «судьбу отцов», их зависимости от структуры дохода и богатства. Бедность молодежи возникла в результате навязываемых структурных ограничений, эйджеизма (возрастной дискриминации), но в обществе меритократии она является «личной проблемой», трансформируется в социальную депривацию.

Различия в доходах и богатстве, которые в традиционном обществе относятся к различиям, становятся различиями социальных потенциалов личностей и групп. Молодежь неизбежно стремится изменить статус, так как социальное воспроизводство основывается на функциональности, взаимодействии всех социально-возрастных групп. Бедность, логика выполнения профессиональных ролей и образует группы «неудовлетворенных», способных формулировать преимущественно интеграции «давления», поддержки или защиты и в меньшей степени содействовать социокультурному порядку.

Бедность, как отмечается в диссертации, приписывается молодежи, подверженной традиционализму или ограниченной в доступе к ресурсам образования и профессиональной подготовки. Рассматривая молодежь, как систему позиций, заполненных индивидами, нетрудно догадаться о функциональности бедности, ее структурирующем влиянии на исполнение определенных социальных ролей. Если успех общества состоит в стабильности, бедность преодолевается постепенно, развитием новых вакансий и повышение доходов. Молодежи отводится позиция подчинения, готовности принять правила «избегания бедности». На бедность молодежи ссылаются как на доказательство ее профессиональной неустроенности, неадекватность жизненного самоопределения или депривации социальной апатии. Американские исследователи 60-х годов XX века отмечали, что социология склонна поддерживать миф о социальном бунтарстве молодежи, если скрывается противоречие между жизненным опытом молодежи и возможностями социальной самореализации. Общество располагает определенным диапазоном возможностей для молодежи, которые измеряются уровнем социально-экономического развития, структурой профессиональной деятельности и традиционным отношением к молодежи.

Выявлено, что большинство молодых «бедных» россиян происходит из базисных слоев населения и есть риск оказаться в группе бедности, есть два выхода из ситуации депривации молодежи: социальная стратегия, переделка общества на «миролюбивое» и обеспечение социальной и профессиональной стабильности, при которой право является формальным эффективным регулятором. Бедность, отмеченная в структурной теории, сталкивает структурных индивидов (прежде всего экономических), характеризует молодежь функционально, связано с социально-статусными позициями и социально-экономическим уровнем развития общества. Относительная бедность определяется наличием в иерархии дополнительных профессиональных статусов и весьма прохладно относится к последствиям бедности, ее воспроизводству в социально-ролевых структурах. Если молодежь стремится улучшить профессиональный статус, то не только ради высоких заработков, но и по соображениям престижа. Быть бедным «непрестижно» и отрицание

бедности содержится уже в самом характере деятельности, не позволяющем планировать досуг и профессиональное самообразование. Согласно положению о «непрестижности» бедности, стабильность «социального выживания» не компенсируется разнообразием потребностей и услуг, в социально-профессиональной структуре бедный ориентирован на исполнительские роли, пытается сохранить работу и имеет проблемы с самочувствием, здоровьем и общением с представителями других социальных слоев и групп. Бедность молодежи может выполнять определяющую профилирующую функцию: для многих молодых бунтарей из обеспеченных слоев быть бедным означает ролевой конформизм.

Примечательно, что по мнению граждан российских городов, самая большая вероятность оказаться на «социальном дне» у одиноких пожилых людей (72%), пенсионеров (61%), инвалидов (63%), многодетных семей (54%), безработных (53%), матерей-одиночек (49%), беженцев (44%), переселенцев (31%). считает, что учителя, инженерно-технические работники, переквалифицировавшиеся рабочие обречены на прозябание в нищете (24-32%)¹. Вроде бы подтверждается положение структурного анализа о поэтической или реальной нищете определенных социально-профессиональных слоев, не вписывается в логику социально-экономических преобразований, деиндустриализацию и сворачивание так называемой «бюджетной» сферы. Исследование выявляет бедность молодежи, занятой в традиционном индустриальном секторе или получившей «непрестижную профессию». Но среди молодежи наиболее высока доля «новых бедных», специалистов с дипломами престижных и непрестижных вузов, добровольных или вынужденных безработных, которые относят бедность к «личной судьбе».

Структурные изменения в экономике, «серое» предпринимательство и самовоспроизводство системы образования подготавливают почву для бедности молодежи. Стремление молодых людей избежать бедности, отречься от опыта родителей-неудачников катализируется процессом расслоения в казалось бы престижных отраслях, где молодежь испытывает «относительную бедность», то есть живет хуже, чем принято по стандартам той группы, к которой он себя относит. В российском обществе нищета легализована «базисным слоем» (абсолютная нищета) и «бесперспективность» жизненных стратегий молодежи, исключаяющей перемещением роли в «богатые» активом и коммуникационных секторах. К «бедной» молодежи относится и большая часть студенчества (85%), которое вынуждено соглашаться на новую, заведомо малоодоходную работу (каждый второй студент) или продлить учебу (25% поступивших в высшие учебные заведения), так что сфера обслуживания представляет «комфортную социальную среду», где

¹ Бедность и богатство в современной России. – М., 2003, с. 61

материальная обеспеченность немногих бросается в глаза на фоне озабоченных людей и невозможности их полной социальной интеграции. Структурная теория характеризует «подготовительность», групповость этого предмета «отмеченных моделей». Однако страх бедности заставляет молодого человека в студенческий период ориентироваться на сферы занятости, которые гарантируют доход. Молодежь полагает, что хорошее образование не является условием жизненного успеха без предприимчивости, высокого профессионализма².

Факторы жизненного успеха	% к числу опрошенных по данным 1996 г.
Деньги	45
Талант	32
Предприимчивость	53
Высокий профессионализм	42
Связи	28
Богатые родители	2
Хорошее образование	57
Удачное супружество	13

Вера структурного подхода в социальную мобильность, профессиональную социализацию и артикулирование коллективных интересов связана с нахождением молодежной бедности в контексте других социокультурных дифференциаций. Слабая признанность территориальной стратификации, невостребованность трудового потенциала молодого поколения ограничена постулатизацией возможностей социальной мобильности. Молодые люди, достигенцы составляют около 70% «новых русских», но они не разделяют социальной ответственности за судьбу «неадаптированных» молодых людей, им не характерна «поколенческая солидарность» и их социальный статус определяется экономическими (имущество) и приближенностью к группам власти.

Делается вывод о том, что нестабильность современного общества, неадекватность дифференциации ролевых структур (Т. Парсонс) не позволяет свести бедность к направленному рассеиванию или адекватной оценке различных позиций. Социальная дифференциация и социальное неравенство относятся к разным аспектам социальной структуры: является ли бедность следствием универсального социального расслоения или обязательно ли бедность является адекватной формой социального расслоения.

Во втором параграфе «Бедность молодежи в контексте неклассической социологической мысли» рассматривается социологическая интерпретация бедности молодежи как совокупный

² Меренков А.В. Жизненные ориентиры студенчества //Социологические исследования, 1998, № 12, с. 43

эффект возрастания социальной неопределенности, социальных рисков, индивидуализации жизненных стратегий.

Определено, что неклассическая социология исследует использование определенных социальных и социально-классовых особенностей, индивидуализацию жизненных ситуаций молодежи, адекватные идентичности значительно изменяют коллективные оценки структурной, социально-ролевой теории. Большинству молодых людей коллективизм, исполнение социальных норм представляется «фильтрами» бедности, так как богатство ассоциируется с нарушением законов и «эксплуатацией» результатов чужого труда.

П. Лукман и Т. Бергер предлагают считать неудачную социализацию итогом асимметрии между объективной и субъективной рациональностями³. Бедность в традиционном обществе социально профильна, она связана с институциональной программой и в независимости от целого ряда причин бедности он вряд ли поможет себе в других социальных перспективах. Бедность как бы не достигает сознания бедных и богатство как результат профильных отношений подтверждает право «быть бедными». Индивидуальная судьба не представляет основания для контр-идентичности, изменения идентичности. И если человек беден, он является таковым как для себя, так и для общества в целом. Бедность соотносится к «судьбе», но не научной саморефлексии и молодежь ограничивается воспроизведением социального опыта родителей, так бедность или богатство не полагают никаких контрдефиниций к богатому крестьянину или бедному дворянину. Бедность считается добродетелью, что или видим в прошлом социальном опыте, материальной аскезе, жестком запрете на «высокие доходы» в советском обществе.

Российская молодежь социализируется в условиях превращения вероятностной структуры, контр-идентичности богатства в группу социальной мобилизации и уже бедность становится процедурой «социализации», истощающей возможности успешной социализации в общественном призвании, личной жизни или исключения из «жизненной гонки». В российском обществе действует презрение к бедности и бедным со стороны молодого поколения: ели люди, представляющие старшее поколение, воспринимают бедность как несправедливость, экономическое и социальное положение, предначертанность социального реформаторства, молодежь принимает социальную версию бедности - «ответственности», использования норм коллективизма, абстрагизма и социальной лояльности. Для нее потребность становится биографической возможностью, поскольку большей конкурентностью обладают «прагматические и эгоистические настроения».

³ Бергер Т., Лукман Н. Социальное конструирование реальности. – М., 1995, с. 264

Подчеркивается, что стремление к «избеганию» бедности определяется биологическими (возрастными) характеристиками и принятием девиантных идентичностей, отрицанием всяких социальных обязательств по отношению к другим и государству. Идентичность «бедности» конструируется в «наследовании опыта» старших поколений, традиций добровольной работы на «благо государства или хозяина», принятием горизонтальной мобильности, верности коллективным ценностям и следованием навязываемой социальной «профильности».

В диссертационном исследовании отмечается, что разрушение мотивации труда молодежи, циничное отношение к труду как сфере «делания денег» снижает интерес к труду как форме гражданской и профессиональной самореализации. Бедность привязывается к труду в то время, как богатство - к бизнесу, коммерции, предпринимательству. Реализуется тип воспроизводства иррационального сознания. У одного это проявляется в нежелании работать, даже если заставляет нужда, лучше ничего не делать, чем работать за копейки. У других - желание приобретать знания и квалификацию, даже поступив в учебные заведения лучше «купить» диплом, чем учиться. У третьих в нежелании отказывать себе в сиюминутных удовольствиях⁴. Стигматизация труда и социальной лояльности, как «источников бедности» приводит к возникновению новых акторов бедности. В поведении молодежи, ориентированной на удовольствия и сиюминутный успех, программируется их будущая социальная неперспективность. Даже молодежь «преуспевающая», занятая в сером бизнесе, подвержена социальному риску неопределенности. Отчуждение от бедности в виде контр-идентичности влечет потенциальную бедность, так как молодые люди лишены личностных ресурсов, чтобы преодолеть структурные обстоятельства. Инициатива богатства только приближает реальную бедность.

Нестабильность российского общества, массовые тенденции апатии, аномии порождают ситуации «социальной отверженности», практики исключения из социальных групп. Бедная молодежь не желает, чтобы ее идентифицировали с бедными (пенсионерами, многодетными семьями) и ее нигилизм, неудовлетворенность доходами, профессией, условиями работы, личной жизнью, потенциал скорее применим к группе сильных, успешно адаптированных. Характерно, что только 12,3% молодых россиян относит себя к группе «постоянно бедных», 24,1% готовы признать «временные материальные трудности». Видно, нежелание работать за копейки определяется манифестацией «благополучия», уверенности в себе. Респонденты испытывают тревогу по поводу безработицы, что «естественно» для пассивной модели поведения: закрепление в системе малоодоходной профессии для них практически

⁴ Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. – М., 2001, с. 82

«смирение с бедностью», жизненный неуспех, расставание с планами личного успеха.

Делается вывод о том, что неклассическая социологическая мысль анализирует традиционное социальное поведение молодежи, ее озабоченность «личной стабильностью» и отказ от социально-ориентированного отношения к личным и групповым проблемам. Так как научные работы или улучшение материально-политических различий не являются прорывом за черту бедности, в равной степени, как молодежь не доверяет идее социальной защищенности населения, что противоречит установке на социальную автономию, ее вхождение в бедность или преодоление бедности исследователи квалифицируют на уровне «латентных социальных практик», «авантюрного», «вероятностного», ситуативного повышения. Деморализация бедных и отсутствие у них реальных лидеров (групп стабилизации) делает их «незаметными» в социальной структуре общества и ее никто не принимает во внимание. Испытывая «давления» более успешных слоев молодежи и безразличие государства и общества к бедности, социальные аутсайдеры в молодежной среде применяют инсценирование падения поведения, принятие культурных образцов «постматериализма» или «самодостаточности». Маргинализация молодежи, увеличение системы «большинства», готовность к девиантному поведению характеризуют различные стратегии «забывания бедности». Молодежь больше воспринимает не абсолютную бедность (хотя $\frac{1}{4}$ российской молодежи лично относится к группе тех, чьи доходы ниже прожиточного минимума), ее волнует относительная и субъективная бедность.

Во второй главе «Российская молодежь в системе социального воспроизводства бедности» характеризуется бедность как системное явление, связанное с неэффективностью социальных институтов и дискриминацией молодежи в социопрофессиональной структуре общества.

В первом параграфе «Социопрофессиональная структура молодежи: занятость и бедность» анализируется состояние молодежи в социопрофессиональной структуре общества как условие воспроизводства бедности.

Вяяснено, что большинство молодых людей живут выше среднего прожиточного минимума (1416 рублей) и дети из бедных семей испытывают влияние разрыва между ними и богатыми сверстниками, что выражается в структуре питания, увлечений, досуга, подготовки к образованию. С возрастом эти различия становятся различиями, то есть каждый шестой россиянин осознает, что он является «бедным». По сравнению со старшим поколением низкий социальный статус вызывает неприятие, потому что молодежи не с чем сравнивать их данные позиции и они привыкли жить в обществе «неравных возможностей» и относиться к бедности как «невезению» (угораздило родиться в семье «бедных») и

социально-рестриктивной политике государства. Молодые люди уверены в том, что бедность исходит от «взрослого мира» и возрастной дискриминации. Как соотносится субъективное самочувствие молодежи, ее социальные намерения и притязания с общепризнанными характеристиками?

Трудом в материальной сфере занято 41,2% работающей молодежи, к сфере распределения и обмена относит себя 55,8% (17,7% об всего количества) молодежи. Данная тенденция наметилась еще в начале 90-х годов XX века и связана как с деградацией индустриального производства, так и с переориентацией на материальные ценности. И хотя сфера распределения рассматривается как резерв воспроизводства среднего класса в структуре общества, такая тенденция не однозначна.

Показательна структура занятости молодежи на предприятиях с различной формой собственности, 1991 г. (% к работающим).

<i>Сфера производства</i>	<i>Государственная</i>	<i>Муниципальная</i>	<i>Частная сельскохозяйственная</i>	<i>Личная</i>	<i>Колхозно-совхозная</i>	<i>Акционерная</i>
Материальное производство	40,5	2,7	21,3	5,7	6,9	17,2
В том числе занятость молодежи	46,1	5,4	22,1	5,1	3,1	10,8

Исследования показывают, что в сфере материального производства доминирует сокращение молодежной занятости, как в абсолютном измерении по сравнению с заметным доминированием старших поколений (62,4% за 25%) за последние десять лет, так и в относительном (на 18%). Это определяется низким репутационным капиталом материальной сферы, дискриминацией по предоставлению социально-профессиональных вакансий, падением престижа труда (11,9% молодых людей не считают труд способом жизненного самоопределения).

Как подчеркивается в диссертации, более половины (56%) опрошенных полагают, что их возможности используются неадекватно, на непрестижных местах, еще больше (67%) уверены, что им «недоплачивают» или «платят мало». Среди работающей молодежи (материальное производство) «бедняков» - 30-37%, в сфере распределения - 11-12%. Среди преуспевающей молодежи только 2,3% владеют бизнесом с наемным трудом, 4,1% работающих по найму лишены собственного

бизнеса⁵. Можно отметить, что подавляющее большинство молодежи составляют наемные работники и они не могут быть отнесены к позиции социально автономных. По мнению «работающей молодежи» (59,3%) занятость перестала быть гарантией не только хорошей работы и социальной мобильности, но и не обеспечивает необходимого уровня удовлетворения материальных благ.

Таким образом, условия бедности российской молодежи формируются в структуре ее социально-профессиональной занятости, образовательной системе и системе профессиональной подготовки. Социальные ожидания блокируются «скромными» личными и групповыми ресурсами, а так называемые «адекватные намерения» связаны с воспроизводством аскриптивной бедности, бедности старших поколений. Только 6-7% молодых людей проживают на уровне абсолютной бедности, но существует тенденция перехода от бедности к нищете этой группы молодежи и дрейф к бедности большинства (50-52% респондентов), не имеющего объективных возможностей и личных способностей для занятия самостоятельным бизнесом, перехода в управленческую и хозяйственную элиту. Социальная структура молодежи несколько отличается от социальной структуры старших поколений, что является следствием ее маргинализации (добровольная безработица) и большего вхождения в средний слой: бедных среди молодых по официальным данным в три раза меньше, чем в старших поколениях, но молодежь часто скрывает уровень личных доходов или завышает социальное самочувствие.

Отсутствие возможностей реализации молодежи в социопрофессиональной структуре, власти, науке и образовании (только 16% молодых ученых мечтают о научной карьере) выталкивает ее в сферу потребления, где вроде бы созданы условия для идеологии покупок и престижного потребления. Российская молодежь резко отличается от старших поколений в предпочтении потребительского образа жизни и прагматизации жизненных установок, но иначе бедность проявляется в «материальном недопотреблении», несмотря на гедонистическую эмансипацию молодежи и представления о ней как «перспективном потребительском слое». Структурная бедность российской молодежи сопровождается интенсивностью устремлений в сферу потребления.

Во втором параграфе «Структура потребления российской молодежи как условие социальной аномии» подчеркивается, что приоритет потребительских ориентаций над трудовой и креативной мотивациями усиливает бедность молодежи.

Выявлено, что социальное исключение молодежи в сфере социально-профессиональной занятости, предопределенность низких статусных позиций и слабый профессиональный потенциал компенсируется стандартами рыночного потребления, мотивацией

⁵ Молодежь в общественном воспроизводстве. Проблемы и перспективы. – М., 2000, с. 12

«зарабатывать, чтобы тратить». Иными словами, молодежь, не в состоянии самореализоваться в социальной мобильности, делегирует самореферентность в гедонистические эмансипации, становится наиболее значительной группой «демонстративного потребления». По данным В.И. Чупрова и Ю.А. Зубок молодежь диктует изменения потребительских ориентаций⁶:

<i>Актуальные потребности</i>	<i>1997 г.</i>		<i>1999 г.</i>	
	<i>К</i>	<i>Ранг</i>	<i>К</i>	<i>Ранг</i>
Приобретать продукты питания	5,08	1	5,46	1
Приобретать одежду	5,00	2	5,21	2
Улучшить жилищные условия	4,37	3	4,16	3
Приобрести мебель, холодильник	3,73	4	3,50	5
Приобрести жилье	3,68	5	3,87	4
Купить аудио- и видеоаппаратуру	3,62	5	3,15	7
Пополнить библиотеку	3,26	7	3,09	8
Купить машину	3,16	8	2,92	9
Найти деньги на учебу	3,12	9	3,28	6
Рассчитаться с долгами	2,96	10	2,71	11
Покупать лекарства	2,88	11	2,99	9
Вложить деньги в дело	2,76	12	2,61	13
Построить дачу	2,54	13	2,29	14

Потребительские ориентации молодежи отражают социальную структуру и уровень жизни российского общества. Если принять, что на питание уходит 60% расходов молодежи, мы сталкиваемся с потребительской ориентацией «выживания», удовлетворения элементарных жизненных потребностей.

В диссертационном исследовании обосновано положение о том, что структура потребления и потребительская ориентация бедных молодых россиян связаны с застойной бедностью, воспроизводством в потреблении норм бедности, модификацию бедности. В частности, отказ от традиционной структуры потребления, ориентированной на семейное хозяйство и умеренные формы потребления, стремление к нормам престижного потребления усиливает субъективную бедность. Если старшее поколение ориентировано на социальную помощь, бедная молодежь для изменения социально-статусных позиций нуждается в адресности и переходе к системе рационального потребления. Молодые люди с заниженной трудовой мотивацией и завышенными потребительскими ориентациями подвержены дрейфу социального исключения. Так как у молодых бедняков не развита социальная взаимопомощь и господствует стратегия индивидуальных усилий преодоления бедности, застойная бедность как жизненная карьера,

⁶ Чупров В.И., Зубок Ю.А. Молодежь в общественном воспроизводстве. – М., 2000, с. 27

замещается пауперизацией, освобождением от социальных связей и закреплением в социально-маргинальной среде. Структурное потребление коррелирует с малоодоходным статусом молодого поколения, на нее влияет низкий профессионализм и узость жизненных интересов. В свою очередь потребительские ориентации обуславливают поведенческие стратегии, в зависимости от которых молодой человек настроен либо на повторение судьбы родителей, либо социальную мобильность. Социальная поляризация общества, культурный коллапс, отсутствие среднего класса формируют асимметричные потребительские ориентации, выражают ситуативность структур потребления. 46% молодых россиян страдают материальным недопотреблением, относительной бедностью, которая стимулирует прагматические настроения, влияющие на иллегальные практики или социальное аутсайдерство.

В третьем параграфе «Поведенческие стратегии молодежи: влияние «страха» бедности» проанализированы поведенческие стратегии молодежи, которые направлены не только на достижение успеха, но и страхование от бедности, которое является важным фактором индивидуализации жизненных планов молодежи.

Выявлено, что бедность российской молодежи, как социоструктурная позиция, влияет на ее социальное поведение. На поведенческие стратегии влияет идентичность молодежи: мы видим, как молодежь дистанцируется от бедности стремлением ориентироваться на «непроизводительное потребление» и социальную эксклюзию. В своих действиях по преодолению бедности молодежь чаще полагается на индивидуальные усилия и сдержанно относится к социальной политике государства и коллективам типа профсоюзных объединений или различных общественных фондов по борьбе с бедностью. Так как в молодежной среде бедность получает презрительно-осуждающий оценку, у многих доминирует упрощенное представление о социальной структуре общества, которое в их глазах делится на «бедных» и «богатых», «невезучих» и «деловых». Видение более развитых иерархий, основанное на социальной практике, образовании и профессионализме, у большинства молодых людей отсутствует. Более половины респондентов (54,2%) ставят впереди материальный успех и бедность ассоциируется с «трудом», в то время как «бизнес», предпринимательство с «богатством». Поведенческие стратегии молодежи потому основываются на негативной идентификации, отделении от общества и старших поколений, как традиционных неудачников. Российская молодежь формирует социальную зрелость в условиях кризиса традиционных институтов социальной интеграции (семья, школа, трудовой коллектив) и отрицательно воспринимает стратегию в контексте вынужденной адаптации и видит в правилах, нормах обоснование закономерностей, навязываемых в социальной игре.

Поведенческие стратегии направлены на «изменение» зависимости от внешнего детерминизма, что выражается в добровольной безработице, девиантных идентификациях и латентных социальных практиках молодежи. Молодежь, имеющая опыт социальной поляризации и неэффективности коллективных ценностей, подходит к выбору поведенческих стратегий соответственно уровню социальных притязаний.

В диссертации вводится следующая классификация поведенческих стратегий молодежи, как социальной активности, направленной на достижение определенных жизненных целей:

- 1) мобилизационная;
- 2) «отложенности»;
- 3) стабильная;
- 4) негативное ожидание;
- 5) альтернативная реализация.

С точки зрения диссертанта, поведенческие стратегии российской молодежи основываются на интерактивных, социально-ситуативных, массовых восприятиях, хотя бунтарство относится к 1-2% молодых россиян и большинство воспринимает социальную систему «такой, какая она есть», то есть с апатией и отчужденностью.

Показательны ответы респондентов на вопрос «Как Вы думаете, почему в нашей стране все больше и больше бедных людей?»⁷, (%)

- 1) им не везет - 3,9;
- 2) у них нет силы воли и они неактивны - 20,0;
- 3) они не избавились от старой идеологии - 17,9;
- 4) сегодня у них объективно нет возможности - 55,5;
- 5) они не умеют воровать - 13,1;
- 6) другие - 6.

Позиции респондентов привержены индивидуальным стратегиям, так как если бедность определяется возможностями (структурными факторами), изменения наступают в результате «давления» социальных групп, принятия социальных и правовых актов, способных улучшить ее социальные позиции и социальное самочувствие. Но обращаем внимание, что 13,3% респондентов указывают на отсутствие умения воровать, возможности использовать властные или экономические ресурсы для извлечения «прибыли», бедный не имеет «должностной ренты», находится под прессом наказания, что вызывает скорее нейтральную оценку, чем социальный протест. Более того, реальны перспективы легитимации девиантного поведения по правилу «если воровать хорошо, почему бы и не воровать». 20,0% респондентов ставят бедность в вину личности. Поэтому индивидуалистские стратегии вырастают из «уверенности» или «неуверенности в себе» и смирения со структурными процессами, где цель состоит в том, чтобы «обойти» систему. Как мы выявили ранее, каждый

⁷ Российская молодежь на рубеже веков. – М., 1997, с. 5

второй молодой россиянин испытывает страх перед бедностью, имобилизованностью, «серостью» жизненного существования и «страх» бедности отличается от «материального недопотребления», потому что во втором случае респонденты указывают на «возможные трудности» и апеллируют к обществу, в первом же - мы имеем дело с «жизненной судьбой», социальной изоляцией, зависимостью.

Автор придерживается мнения, что поведенческие стратегии российской молодежи больше инсценированы, чем направлены на исполнение предписанных социальных ролей, хотя велика доля «неопределившихся», 12-17% молодых людей проявляют готовность к изменению социального статуса, видят в социальной карьере общую цель жизни и могут быть причислены к достижениям, исповедующим и реализующим западные индивидуалистические ценности. Подтверждается тот вывод, что «динамика структурных изменений ценностного мира, детерминирована внешними факторами - социально-экономический, социально-профессиональный, социально-демографический, социокультурный»⁸.

Таким образом, бедность для молодых россиян в значительной степени биографируется, способствует их разобщению и направляет индивидуальные усилия не на образование, профессионализм, интересную работу, а на высокие доходы. Страх бедности блокирует защиту социальных прав, работу по базисной специальности и делает господствующей стратегии с индивидуалистической мотивацией и резистентными социальными качествами. Это особенно проявляется в сознании «карьеры», мобилизации. Даже сторонники стабильности вынуждены вносить коррективы в поиске стабильной работы, избегании «застойной бедности». Описанные стратегии стимулируют актуализм и отказ от смягчения структурного неравенства, поскольку бедность является не индикатором иррационального поведения, а «личной судьбы».

В Заключении подводятся итоги, проведенного социологического анализа бедности российской молодежи, определяются пути снижения ее рискогенного воздействия на жизненные стратегии молодежи и прогнозируются перспективы дальнейшего исследования данной актуальной проблемы.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

1. Долгалев Б.А., Деомидова Т.Б., Скибина В.В. Духовное и нравственное развитие студентов факультетов лесного хозяйства и социальной работы // Человек: его сущность, развитие и проблемы. Выпуск 2. Ростов н/Д: ГинГо, 1998. 0,6 п.л. (0,2 п.л.).

⁸ Бондаренко О В. Ценностный мир россиян. – Ростов-на-Дону, 1998, с. 67

2. Долгалев Б.А. Структура взаимоотношений в студенческих группах 2 курса факультета менеджмента и профобучения // Человек: его сущность, развитие и проблемы. Выпуск 3. Ростов н/Д: ГинГо, 1998.1 пл.

3. Долгалев Б.А. Кто мы? // Человек: его сущность, развитие и проблемы. Выпуск 8. Ростов н/Д: ГинГо, 2000.0,5 пл.

- 4. Долгалев Б.А., Ладикова А.В. Социально-психологические проблемы инвалидов // Человек: его сущность, развитие и проблемы. Выпуск 2. Ростов н/Д: ГинГо, 2000.1 пл.

Сдано в набор 10.03.2005. Подписано к печати 10.03.2005.

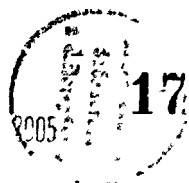
Формат 60х84/16 печать офсетная, гарнитура Times

Тираж 100 экз, Зак. № 10.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО «Ант»

344018, г. Ростов-на-Дону, пер. Островского, 153.

22 47

1730